DV
5?

Е. В. Барсовъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

КОЛОНИЗАЦІИ И КУЛЬТУРЫ

РОСТОВСКАГО КРАЯ

3752 (3

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., домъ № 5
1902

Дозволено цензурою. Москва, 20 марта 1902 года.



89 8
37

Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края.

Въ четвертый разъ мнѣ приходится говорить съ этой каѳедры. По мѣрѣ постепеннаго возстановленія памятниковъ этого города, историческая мысль переносилась все далѣе и далѣе въ глубь вѣковъ, отъ Бѣлой Палаты Дмитрія Ростовскаго къ Стефану Пермскому, который учился въ здѣшнемъ Братскомъ Затворѣ и который цѣлый Зырянскій край ввелъ въ ограду христіанской цивилизаціи и, наконецъ, къ Леонтію Ростовскому, первосвятителю здѣшней Мери, въ честь коего сооруженъ былъ придѣлъ въ Соборномъ храмѣ и затѣмъ засыпанъ былъ камнями и мусоромъ. Нынѣ, на областномъ ученомъ Съѣздѣ, я хочу перенести Ваше сознаніе къ сѣвернымъ границамъ былого Ростовскаго княжества и подѣлиться съ Вами изъ этой области нѣкоторыми историческими фактами, нѣкоторыми народными преданіями и, наконецъ, нѣкоторыми личными соображеніями. Вопросъ о колонизаціи и культурѣ какого бы то не было края, требуетъ вообще долголѣтней работы и не одной только силы, а потому я прошу у Васъ *снисходительнаго* вниманія къ моимъ *отрывочнымъ* наблюденіямъ и замѣчаніямъ.

Прежде всего поражаетъ меня *гигантская мощь* самаго подвига колонизаціи, совершавшейся въ теченіе вѣковъ Славянскимъ племенемъ, съ поглощающимъ напряженіемъ физическихъ силъ. Представьте себѣ, что, начиная отъ Романова, въ глубь на крайній сѣверъ, простирались непроходныя болота. Болото—донынѣ слывущее подъ именемъ *Варяжскаго* (въ Романовскомъ и Рыбинскомъ уѣздахъ), соединялось съ болотомъ *Ваучскимъ*, непроходимымъ даже въ послѣднее время. Почти отъ Ростова до Бѣлаго моря — были сплошные мхи и топи. По большому водному пути, по Шекснѣ и Волгѣ, стояли непроходныя чащи и дремучіе лѣса. Не столько жило здѣсь людей, сколько обитало звѣрей. Но надъ этими опасностями отъ звѣрей высились еще страхованія природы, олицетворявшіяся этическимъ сознаніемъ. *Лѣшій* всюду наводилъ ужасъ; даже еще въ русскихъ актахъ XIV в. мы то и дѣло встрѣчаемъ, что тутъ *лѣшій* мхи, тамъ *лѣшія* болота, индѣ *лѣшіи* озера. Картину этого быта отчасти рисуютъ предъ нами древнерусскіе синодики, гдѣ совершается молитва о потопшихъ, объ убитыхъ деревомъ, объ уведенныхъ лѣснымъ демономъ, объ убитыхъ громомъ, молніей и т. п. Нужна была необыкновенная сила духа, чтобы бороться съ такими опасностями и умѣть побѣждать ихъ.

Первыми насельниками по рѣкамъ Судѣ и Шекснѣ, до ея верховьевъ по восточной сторонѣ нынѣшняго Бѣлозерскаго уѣзда, жило Мерянское племя, то же са-

Е. В. Барсовъ.

мое, что во всей Ростовской области. Весь же и Іегна обитали по правую сторону Шексны ближе къ Тверской области. Что на Шексѣ были Меряне, на это указываютъ многія географическія названія, однородныя съ Ростовскими; такъ есть р. *Выкса* въ Череповскомъ уѣздѣ и *Выкса* въ Ростовскомъ уѣздѣ; есть *Ухтома* въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и *Ухтома* въ Пошехонскомъ уѣздѣ; есть *Эдома* въ Череповскомъ уѣздѣ и *Эдома* въ Пошехонскомъ и Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Рѣки съ именемъ *Ухтома* есть и въ Ростовскомъ уѣздѣ. А что племена Весь и Іегна жили въ нынѣшней Тверской области, на это указываютъ названіе города *Весью* и нѣкоторыхъ близлежащихъ деревень *Іегна*.

Два факта особенно характерны въ жизни Финскихъ племенъ. Во 1-хъ, топографическія названія указываютъ, что они селились всегда или близъ небольшихъ озеръ или на притокахъ и ручьяхъ; ихъ поселеній не видно на берегахъ большихъ рѣкъ; такія рѣки имъ были не нужны или же они ихъ боялись. Во 2-хъ, курганныя раскопки показываютъ, что не было побоищъ при встрѣчѣ ихъ съ Славянскимъ племенемъ. Много было раскопано кургановъ въ Бѣлозерскомъ и Череповскомъ уѣздахъ г. Европеусомъ, но онъ нигдѣ не нашелъ видимыхъ остатковъ какихъ бы то не было побоищъ. Языка Мери и Веси мы не знаемъ, но, судя по нарѣчіямъ Чудскому и Корельскому, можемъ предполагать крайнее его убожество и неразвитость; по крайней мѣрѣ, въ указанныхъ нарѣчіяхъ нѣтъ словъ для выраженія не только нравственныхъ отвлеченныхъ понятій, но и для обозначенія самыхъ элементарныхъ культурныхъ предметовъ. Еще Тацитъ, описывая сѣверныхъ Финновъ, указывалъ на крайнюю ихъ подавленность и угнетенность. На нашъ взглядъ, и Меря и Весь, черезъ 1000 лѣтъ послѣ того, при скудости своей нравственной природы, при отсутствіи всякаго вдохновенія и творчества точно такъ же неспособны были къ самостоятельной дальнѣйшей колонизаціи и культурѣ; подъ давленіемъ суровой природы, подъ нравственными ея страхованіями, они, если бы и не были поглощены Славянами, вымирали бы сами собою.

Первыми колонистами по Шексѣ, начиная отъ ея верховьевъ до Волги, были Новгородскіе Славяне, всего вѣроятнѣе удалые добрые молодцы изъ Заонежья, этой древнѣйшей Новгородской колоніи. Отсюда прямой былъ путь по рѣкамъ и озерамъ на Волгу.

Предпріимчивость, отвага и подвигъ — представляютъ отличительныя качества этого Славянскаго племени. Совершенное заблужденіе думать, будто русскій Славянинъ только землепашецъ и мало способенъ къ морскимъ плаваніямъ. Нужно знать и видѣть, съ какими опасностями совершаютъ Заонежане свое плаваніе среди бурей и страшныхъ волнъ: по Онежскому озеру, которое они справедливо называли моремъ, съ замираніемъ сердца смотришь, какъ утлая нагруженная ладья то исчезаетъ на нѣсколько мгновеній между волнами, то появляется на высокихъ ея гребняхъ и вновь исчезаетъ. Могучая сила и ловкость видимо умѣютъ править ладьею и побѣждать волны.

Еще менѣе страшны были для Заонежанъ плаванія по большимъ рѣкамъ. Покойный Погодинъ, уясняя сказаніе Константина Багрянороднаго о Днѣпровскихъ порогахъ, изъ коего видно, что Руссы, обходя большіе пороги, выгружали суда и самыя лодки носили на плечахъ до менѣе безопасныхъ мѣстъ, восклицалъ: „только Норманны способны творить такія чудеса“. Къ сожалѣнію, онъ не зналъ, что въ Олонецкой губерніи донынѣ дѣлается то же самое на рѣкѣ Водлѣ, гдѣ точно такъ же

выгружаютъ суда и носятъ ихъ на своихъ плечахъ въ обходъ пороговъ. Для нашей цѣли, въ данномъ случаѣ, чрезвычайно важно то, что въ верховьи Шексны, среди финскихъ названій рѣкъ, озеръ и мѣстъ, каковы—Коргулино, Шабога, Выкса, Лонжа, Ирма, вдругъ встрѣчаемъ пунктъ, гдѣ являются—рѣка Словенка, волокъ Словенскій, село Словенское. Надпорожье и, наконецъ, самые пороги на Шекснѣ въ этомъ пунктѣ донынѣ называются *Славянскіе пороги*. Едва ли смѣло предположить, что это былъ первый пунктъ Славянской колонизаціи на Шекснѣ. Это значитъ, что Новгородскіе Славяне, на нашъ взглядъ, въ глубокой древности захватили въ свои руки *Шекснинскіе пороги*, служившіе воротами съ сѣвера на Волгу и обратно. Другой пунктъ, которымъ рано должны были завладѣть Заонежскіе Славяне — это былъ Луковецъ. Здѣсь Шексна дѣлаетъ крутой изгибъ, и въ нее впадаетъ рѣка Суда, на которой расположены были Бѣлозерскія удѣльныя княжества и по которой можно было проникнуть въ предѣлы сѣверныхъ Новгородскихъ колоній. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ актахъ упоминается Луковецъ или, какъ онъ здѣсь называется, *Луковесь*. Не безъ причины, конечно, мы предполагаемъ, что эти Славяне, первые колонизаторы Шексны, были Заонежане: испоконъ вѣковъ ведутъ они торговлю съ Волжскимъ понизовьемъ. Замѣчательно, что главнымъ складочнымъ мѣстомъ сѣверныхъ товаровъ, какими были *мѣха*, служилъ не Бѣлозерскъ и не какой-нибудь другой городъ, а *Шунга*—въ Заонежьѣ. Уже въ XII в. здѣсь былъ монастырь, церковные амбары для товаровъ, и ежегодно въ крещеніе происходила большая ярмарка, на которую, для скупки мѣховъ, въ теченіе вѣковъ съѣзжались и донынѣ съѣзжаются торговые люди съ Волжскаго понизовья. Быть можетъ, Заонежане въ начальныя времена вели торговлю мѣхами еще съ Болгарскимъ царствомъ, и тогда Шекснинскіе пороги могли служить заставой въ рукахъ Славянъ для азіатскихъ понизовыхъ торговцевъ. Очень вѣроятно, что путемъ той же Заонежской колонизаціи занесена была на Шексну и Заонежская былина. До послѣдняго времени здѣсь несомнѣнно существовалъ былинный эпосъ.

На берегахъ въ селѣ Логиновѣ еще въ дѣтствѣ я слыхалъ пѣніе этихъ былинъ и какъ сейчасъ вижу старика Макара Осипова, который пѣлъ ихъ въ домѣ моего отца.

Ученые разыскиваютъ, откуда идутъ тѣ или другіе былинные мотивы, самобытны ли они или взяты отъ Тюрковъ, книжнаго ли они происхожденія или творческаго. Всѣ эти работы, конечно, очень важны для исторіи русской литературы, но для исторіи Россіи въ собственномъ смыслѣ всего важнѣе тотъ мотивъ, что богатырь чувствуетъ, какъ *его богатырская сила переливается въ немъ изъ жилы въ жилу*. Такъ можетъ пѣть лишь тотъ народъ, который самъ въ себѣ чувствуетъ эту богатырскую силу.

Достойно вниманія, что распространеніе Заонежской былины оканчивается на Шекснѣ. На Волгѣ начинается уже *пѣсня* то раздольная и разудалая, то монотонная и унылая, отвѣчавшая то высотѣ и широтѣ волнъ, разсѣкаемыхъ веслами, то медленной поступи тянувшихъ лямку.

Былина служила средствомъ для воспитанія въ молодыхъ поколѣніяхъ удалаго, богатырскаго духа: она пѣлась, какъ сама гласитъ, малымъ дѣтямъ въ ученіе. Волжская пѣсня служила къ облегченію труда или проявляла самую отвагу и молодечество.

Но Заонежскіе Новгородцы, колонизуя этотъ край, относились къ Финскимъ

инородцамъ какъ промышленники и не столько заботились объ ихъ культурномъ подъемѣ, сколько извлекали изъ нихъ торговыя выгоды.

Славянская колонизація и христіанская культура въ сѣверномъ Ростовскомъ краѣ связаны главнымъ образомъ съ Московскою школою пустынниковъ Лавры преподобнаго Сергія. Какъ извѣстно, многочисленные ученики его, распространившись по всему сѣверо-востоку Россіи, основывали многочисленныя пустыни и монастыри съ ихъ сельско-хозяйственнымъ укладомъ и строгою дисциплиною. Можно себѣ представить, какое громадное впечатлѣніе должны были производить эти величественные храмы, эта монастырская иконопись, эти церковные звоны и—что всего важнѣе — эта нравственная сила, витавшая въ нихъ, на неразвитыя Финскія племена, на эти младенческіе народцы. Крестъ каменный ставился на поляхъ, въ лѣсахъ, на распутіяхъ, при колодцахъ, освобождалъ подавленное народное сознаніе отъ страхованій природы — и не страшенъ становился лѣшій, ибо этотъ крестъ прогонялъ демоновъ; онъ былъ красота церкви и демонамъ язва.

Такимъ піонеромъ сельско-хозяйственной культуры и христіанской цивилизаціи въ сѣверномъ Ростовскомъ краѣ былъ ученикъ преподобнаго Сергія Кириллъ Бѣлозерскій и его обитель. Сельско-хозяйственная его дѣятельность поразительна и вполнѣ достойна, наравнѣ съ монастыремъ Соловецкимъ, спеціальнаго историческаго изученія. Въ XVI в. у монастыря было 42 вотчины, не говоря уже о безчисленныхъ пустошахъ, въ коихъ стояли скотные монастырскіе дворы съ управляющимъ старцемъ и прикащикомъ. Во всѣхъ вотчинахъ монастырь созидалъ храмы, дань съ коихъ платилась Ростовской каѳедрѣ. Въ моемъ рукописномъ собраніи есть выпись изъ грамотъ Ростовскихъ митрополитовъ и архіепископовъ, въ коихъ исчислены по именамъ эти вотчинные храмы; одна грамота Ростовскаго архіепископа Досиѳея 1539 г.; другая его же 1542 г. и затѣмъ 5 грамотъ Іоны, архіепископа Ростовскаго 1576 г. Въ этихъ грамотахъ между прочими упоминаются храмы, стоявшіе въ верховьяхъ рѣки Шексны, съ коихъ платилась дань Ростовскимъ архіепископамъ: Городище — въ немъ храмъ Дмитрій Солунскій; Ерга — церковь Николая Чудотворца; въ Чуровскихъ—церковь Рождества Пресвятыя Богородицы; въ Чаромскихъ—св. пророкъ Илія; на Колѣнцѣ—церковь Кириллъ Чудотворецъ; въ Надпорожьѣ—церковь Живоначальная Троица. Дань, платимая Ростовскимъ архіепископамъ — съ разныхъ церквей была различна. Чуровская церковь, напримѣръ, платила гривну; Чаромская церковь двѣ гривны, а съ церкви на Колѣнцѣ дани не имывали, приходу мало. Дани эти собиралъ и платилъ Ростовскимъ архіереямъ Кирилловъ монастырь. Если можно предположить, что древнія границы Ростовской епархіи совпадали съ древними границами Ростовскаго княжества, то очевидно, что оно простиралось почти до верховьевъ рѣки Шексны и захватывало почти цѣлую восточную полосу нынѣшняго Череповскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. Княжество Бѣлозерское, обнимая собою всю окружность Бѣлоозера, къ западу простиралось по рѣкѣ Судѣ и ея притокамъ. Изъ удѣльныхъ Бѣлозерскихъ княжествъ одно только Ухтомское было расположено на восточной сторонѣ Бѣлоозера — на рѣкѣ Ухтомѣ, другія же—*Вадбальское* и *Андогское*—находились на притокахъ Суды. Роды князей Бѣлозерскихъ, Ухтомскихъ и Вадбольскихъ живы донынѣ; родъ же князей Андогскихъ исчезъ; преданіе знаетъ только мѣстность, гдѣ стоялъ дворецъ Андогскихъ князей на берегу р. Шулмы, что въ Андогѣ у Пречистой; нынѣ эта мѣстность стала достояніемъ одного крестьянина-кулака. Въ томъ же XIV в. на берегахъ

Шексны былъ основанъ другой монастырь—Воскресенскій—въ Череповцѣ, въ древнихъ актахъ называвшемся *Череповесь*. Этотъ монастырь, какъ и Кирилловъ, кромѣ культурнаго значенія, имѣлъ и значеніе политическое. Въ то время, какъ Ростовскіе князья не хотѣли идти въ подданство Москвы, народная масса, тянувшая къ своимъ мѣстнымъ просвѣтительнымъ центрамъ, вмѣстѣ съ ними склонялась своими симпатіями къ Москвѣ, какъ главному средоточію церковной власти и нравственной силы. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе 500 лѣтъ, а эти нравственныя нити, связывавшія народную массу съ Москвою, цѣлы донынѣ. Воскресенскій Череповскій монастырь основанъ былъ ближайшимъ родственникомъ преподобнаго Сергія Симоновскимъ архимандритомъ Ѳеодоромъ, впослѣдствіи архіепископомъ Ростовскимъ. И вотъ что мы видимъ: въ соборномъ Череповскомъ храмѣ, древнемъ монастырскомъ, донынѣ есть придѣлъ въ честь преподобнаго Сергія, и самый главный Череповскій праздникъ — это праздникъ 25 Сентября — Сергіевъ день, а на старомъ Симоновѣ въ Москвѣ донынѣ есть придѣлъ въ честь Кирилла Бѣлозерскаго и главный праздникъ 9 іюня—*Кириллова память*. Такимъ образомъ донынѣ Череповецъ празднуетъ преподобному Сергію, а Москва ликуетъ во славу Кирилла Бѣлозерскаго, такъ могуче привлекшаго Сѣверо-Ростовскій край къ Московскому просвѣтительному центру. Впослѣдствіи Воскресенскій Череповскій монастырь былъ *домовымъ Патріаршимъ* и обладалъ рѣдкимъ самоуправленіемъ: онъ судилъ крестьянъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ, не исключая душегубства.

Наконецъ, я коснусь и другихъ монастырей, болѣе близкихъ къ нынѣшней Ярославской губерніи — то Выксинская пустынь Азарьева и пустынь Досиѳеева.

Изъ исторіи Азарьевой пустыни я отмѣчу лишь два любопытныхъ факта; во-первыхъ, здѣсь, въ этой пустыни, жила въ заточеніи царица Марія Нагихъ — мать Дмитрія Царевича. Разсказываютъ, что Годуновъ, ссылая ее въ сѣверный Бѣлозерскій край, предоставилъ ей право самой выбрать мѣсто для жительства. Плывя вверхъ по р. Шекснѣ, она услыхала пріятный серебристый звонъ Азарьевой пустыни, отстоящей отъ Шексны на пространствѣ 3 верстъ. Здѣсь она остановилась и, прибывъ въ пустыню, пожела остаться здѣсь навсегда; но что особенно замѣчательно, она поселилась не въ самомъ монастырѣ, а поодаль, на разстояніи 200 саженей отъ него, въ полѣ; здѣсь была построена для нея келья; а внизу въ лощинѣ былъ выкопанъ колодецъ, который донынѣ называется „*Царицынъ колодецъ*“ и который, будто бы, она выкопала своими руками. Жила она здѣсь съ годъ и жила весьма уединенно; только изрѣдка появлялась въ церкви. Когда она была вызвана въ Москву на свидѣтельство Самозванца, оттуда прислала она большой колоколъ, весьма пріятнаго серебристаго звука. Уже на моей памяти колоколъ этотъ съ лѣтописнымъ надписаніемъ разбился и былъ промѣненъ церковнымъ старостою на новый въ Нижегородской ярмаркѣ.

Другой достойный вниманія фактъ тотъ, что въ Азарьевой Выксинской пустыни существовалъ великолѣпный деревянный храмъ, выстроенный въ честь Михаила Малеина — ангела царя Михаила Ѳеодоровича. Старожилы донынѣ помнятъ этотъ храмъ, похожій на храмъ Покрова Богородицы въ селѣ Логиновѣ. Храмъ этотъ сгорѣлъ, а праздникъ въ честь Михаила Малеина — ангела родоначальника Дома Романовыхъ, донынѣ неизмѣнно совершается въ мѣстномъ населеніи, что достойно особеннаго вниманія въ виду приближающагося трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Досиѳеева пустынь стояла на самомъ берегу Шексны. Кто былъ этотъ Досиѳей, равно какъ и Азарій, неизвѣстно. Разсказываютъ, что когда Иванъ Васильевичъ Грозный путешествовалъ въ Кирилловъ монастырь, на обратномъ пути, здѣсь, онъ вышелъ на берегъ и въ дремучемъ лѣсу встрѣтилъ старца Досиѳея и его келью; онъ велѣлъ ему построить церковь и обѣщалъ помочь. Дѣйствительно, онъ вспомнилъ въ Москвѣ свое обѣщаніе и прислалъ въ Досиѳееву пустынь *чугунный колоколъ*. Колоколъ этотъ сохранился до нашего времени, и мною переданъ въ Московское Археологическое Общество, гдѣ онъ теперь и находится.

Таковы историческіе факты, народныя преданія и личныя мои соображенія, коими я хотѣлъ подѣлиться съ Вами, не столько въ ученомъ докладѣ, сколько въ живомъ словѣ.

У насъ нерѣдко въ рѣчахъ о русскомъ народѣ слышатся упреки въ его отсталости, косности и некультурности. При этомъ совершенно забывается тотъ изумительный богатырскій подвигъ колонизаціи сѣверо-востока Россіи, который совершался нашимъ крестоноснымъ народомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, съ крайнимъ напряженіемъ физической и духовной силы. Народы Запада сѣли на *готовыя* мѣста и прямо унаслѣдовали *готовую* культуру древняго міра. А Русскому Славянину пришлось своимъ плечомъ и хребтомъ, съ топоромъ и мотыкою въ рукахъ, цѣлые вѣка бороться съ лѣшими, мхами и болотами, чтобы только приготовить мѣсто, пригодное для культурной жизни.

Все на свѣтѣ идетъ своимъ чередомъ. Настала пора, когда правящіе и мыслящіе классы призываются Исторіей къ одной заботѣ — къ развитію въ массахъ народныхъ историческаго самосознанія. Я глубоко раздѣляю убѣжденіе, что народы, у которыхъ коротка историческая память, не достойны своего существованія.

